

Андрей Исаев

ЕДИНАЯ РОССИЯ

ПАРТИЯ РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
Издательство «Европа»
2006

УДК 323.2
ББК (Г) 66.3 (2Рос)
Е 47

Брошюра подготовлена при участии Алексея Чадаева

Е 47 «Единая Россия» – партия русской политической культуры. – М.: Издательство «Европа», 2006. – 40 с.

Сегодня только «Единая Россия» является партией, которая в полной мере наследует традициям русской политической культуры. Другие партии либо вовсе не имеют с ней ничего общего, либо искажают ее до неузнаваемости, превращая в собственную противоположность.

Но это не означает автоматически беспроblemного и долгосрочного политического будущего партии. Право на репрезентацию русской политической культуры необходимо постоянно подтверждать в ежедневной практической деятельности, отстаивать в борьбе с политическими оппонентами. Политическая культура – это ценность, обладание которой – заветный приз для многих, и право на нее нужно всякий раз доказывать заново.

Вступление

«Единая Россия» – единственная партия, которая следует как русской, так и советской традиции. Нет ни одного периода нашей истории, который необходимо из нее исключать либо запрещать.

С КОНЦА 80-х ГОДОВ в нашем обществе не утихают исторические споры. Все эти споры ведутся, как правило, по одному и тому же сценарию. Появляется политическая группа, которая предлагает свою версию «идеального» периода в прошлой российской истории, когда «все было правильно» – а потом будто бы что-то повредилось и с тех пор пошло плохо вплоть до нынешнего времени.

Для одних таким «золотым веком» является брежневский режим 1970–1980 годов, для других – сталинский период, для третьих – Россия после 1905 года (или как вариант – после февраля и до октября 1917-го), для четвертых, напротив, – имперский абсолютизм в чистом виде, каким он был до первой русской революции... и так далее, вплоть до тех, кто до сих пор уверен, что хорошо у нас было только до Петра (либо как вариант – до патриарха Никона).

В свою очередь, назвав золотой век, приходится назвать и черный – то время, которое нужно отрицать, отменять, объявлять несуществующим. Здесь примерно такой же разброс – кто-то отрицает период реформ 90-х, кто-то – коммунистиче-

ское семидесятилетие, а кто-то, напротив, – все, что было «до» и «после» него.

Простая мысль о том, что Россия, коль скоро она продолжает свое историческое существование, следует всей своей истории, а не только каким-то отдельным ее отрезкам, почему-то никому из спорщиков не приходит в голову.

Множественность конкурирующих версий русской истории – это формула национального кризиса. Единство нации – единство исторической судьбы. Восстановление непрерывной в каждой точке преемственности поколений – это то же самое, что возвращение в историю. А только вернувшись в историю, можно вернуть себе будущее. Именно поэтому поворот к русской политической традиции сегодня является неизбежным.

Альтернативой этому может быть только роспуск России. Сегодня уже есть немало таких, кто хотел бы ее распустить (или, по крайней мере, не возражал бы против этого) – от националистов всех мастей до радикальных западников. Их формирующееся на глазах противоестественное единство, которое можно было бы назвать «партией роспуска России», – наш главный политический враг.

Название партии – «Единая Россия» – для нас означает в том числе и единство истории России во всей ее полноте. Мы не отрицаем ни одного из прошедших периодов русской истории – будь то царская Россия, Советский Союз или раннедемократические 90-е.

Русское и российское

СЛОВО «РОССИЙСКИЙ» в посткоммунистические годы стало органичным заменителем слова «советский». Советский народ – точнее, та его часть, которая осталась в границах Российской Федерации, – автоматически стал называться российским народом. Мы говорим: Российское государство, российский президент, российский флаг, Российская армия и т. д. Но невозможно сказать «российский язык»: язык – русский.

То же относится к истории страны. Сказать «российская история» – значит добровольно ограничить себя рамками того периода, когда самоназванием нашего государства было слово «Россия». А так было далеко не во всякий период русской истории.

Вернуть в официальную риторику российской власти и Российского государства слово «русский» – значит вернуться к исторической России. То есть придать современной российской демократии базовую легитимность в контексте не только последних пятнадцати лет, но и последних тысячи.

Важно понимать, что это абсолютно не противоречит конституционной идее России как многонационального государства. Напротив, обеспечивает ее полноценную реализацию.

Русское государство никогда, ни одного этапа в своей истории не было моноэтническим и даже в проекте не конституировалось как мононациональное. Напротив, оно с самого начала строилось как объединяющее различные территориальные, этнические и культурные группы. Само понятие «русский» возникло в качестве политического как альтернатива местной, локальной самоидентификации – через княжество или племя. Сегодня об этом часто забывают или сознательно умалчивают – тем важнее становится напоминать.

Русские

Русский – это не кровь и почва, а язык и культура. Быть русским – заявительное право. В России русский тот, кто объявляет себя русским.

ЧТО ТАКОЕ РУССКИЕ? Есть народы-интроверты, замкнутые на себе и своей культуре. Для таких важнее сбечь свою уникальность, язык, культуру, уклад, другие отличия от любых внешних влияний.

Есть народы-экстраверты, обращенные вовне. Для таких внешний мир заведомо интересен, он является одновременно и объектом экспансии, и источником обогащения собственной культуры.

Русский народ – крайний, предельный случай второго типа. Для нас внешнее часто интереснее собственного. Эта установка раз за разом загоняет нас в ловушку бездумного заимствования, нерассуждающего следования внешним образцам только на том основании, что они рождены «там». Это наша слабость, но вместе с тем и наше решающее преимущество. Россия самоопределяется как то, что живет, постоянно расширяясь и взаимодействуя с другими. Это то, что заложено в ее основу, является неотъемлемым источником существования.

Бессмысленно ставить вопрос об этнической чистоте русских или пытаться химическим путем выделить эталонную «великороссийскую народность», так как все мы – потомки

смешанных браков, только случавшихся в разное время. Можно, конечно, развлекаться произвольной установкой «срока давности» для обрусения, но это в любом варианте будет политическим шарлатанством и насилием над историей.

Наиболее яркие участники русской истории, ее основные творцы не проходят по критерию «этнической чистоты». Будь то норманнская по происхождению династия Рюриковичей, сын литовки и внук гречанки Иван Грозный, потомки немецких и датских принцесс – Романовы после Петра, советские вожди Ленин, Сталин, Андропов, Черненко – никто из них не прошел бы «проверки циркулем». Отказывать им в русскости – значит отказываться от собственной истории; именно поэтому худший враг национальной истории – это всегда шовинист.

Сегодня в Тбилиси грузины открывают музей советской оккупации. Что, нам теперь в ответ открывать в Москве музей грузинской оккупации 1927–1953 годов? Думается, это невозможно – потому что и мы, и грузины считаем Сталина не грузинским, а русским политическим лидером.

И это абсолютно естественно. Русское определяется не через кровь и почву, а через язык и культуру. Быть русским – заявительное право. В России русский тот, кто объявляет себя русским. В русской культуре нет ни одного аргумента, которым можно было бы опровергнуть такую заявку. Кто бы ни сказал «я – русский», ему невозможно культурно обоснованно ответить «нет».

Национальности и культуры, существующие в России, всегда воспринимались как богатство, как решающее преимущество русского государства. В том числе и во вполне практическом понимании – как абсолютно уникальный кадровый резерв не только для государства, но и для всей русской культуры. Действует римский принцип: как апостол Павел, будучи иудеем по рождению, становился римлянином по праву гражданства, так и в России право гражданства становится необходимым и достаточным условием русскости. У любого человека в России есть выбор: либо оставаться в границах своей локальной – территориальной, этнической, культурной, языковой и т. д. – идентификации (под которой понимается не только

идентичность типа «мордвин» или «чуваш», но и, например, «рязанец» или «белгородец»), либо манифестировать себя как русского – тогда с тебя другой спрос; тогда ты не имеешь права на локальное, диаспоральное, земляческое; тогда твоя нация – это все жители большого русского мира.

В этом смысле исторический штамп «Москва – Третий Рим» правильно описывает действительность. Русские – это те, кто собирает вокруг себя других и одновременно сам себя из них строит. Поэтому идея терпимости для России – не новомодное завоевание гуманистического просвещения и улучшения нравов, а базовое условие самого существования русского государства. И когда оно борется с проявлениями национальной нетерпимости – оно борется в том числе и за свое существование, за выживание в долгосрочной исторической перспективе.

Антирусский национализм

ИМЕННО ГОСУДАРСТВО и государственно мыслящие люди во власти уже в постсоветские времена оказались теми, кто первым понял фундаментальную антирусскость «национализма», пытающегося играть на русских лозунгах. Понятно, что его появление на политической арене после распада СССР было исторически неизбежно. Есть объективные условия для его возникновения: более 80% населения, согласно последней переписи, идентифицируют себя как русские: это больше, чем во многих государствах, считающихся мононациональными. Одна эта цифра – достаточный рычаг, который в умелых руках политических манипуляторов может разрушить зыбкое и неустойчивое постсоветское единство «российской нации».

При этом, сыграв свою роль в ликвидации государства, она в дальнейшем так же легко будет ими сведена на нет. Сценарий прост: цифра в 80% уменьшится в разы, стоит только ввести взамен нынешней мягкой жесткую схему идентификации «русского». Какая бы ни была эта схема, довольно быстро окажется, что на самом-то деле «подлинно русские» – меньшинство: у одного украинская фамилия, у другого дедушка татарин,

а третий, хоть кругом Петров и Сидоров, сам не хочет ходить строем и записывается хоть в донские казаки (которые, как известно, тоже считались отдельной нацией еще в XX веке), лишь бы не участвовать в попытке превратить национальность в политическую партию.

Привлекательные альтернативные варианты не заставят себя ждать, была бы конъюнктура. Недаром сегодня в оранжевом Киеве многие русские по происхождению люди добровольно записываются в украинцы – и их признают таковыми, даже когда они буряты. Тогда – не только последнее и окончательное дробление русского государства, но и гибель русских как государствообразующего народа России.

Мы обязаны не допустить реализации этого сценария – уничтожения России и русских под лозунгами русского же национального возрождения.

Но эта установка не значит, что мы не делаем никакой разницы между сегодняшним населением России и приезжающими в нее мигрантами, пытаясь превратить нашу страну в «правильный котел» по американскому образцу. Это другая ловушка.

Сбережение народа

ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА России Федеральному Собранию от 2006 года собрало множество комментариев. Комментаторы сходились на том, что тема демографии – или, используя прозвучавшую в Послании солженицынскую формулировку, *сбережения народа* – является в нем центральной. Однако никто не заметил, с кем и как полемизирует Президент, высказывая бесспорные вроде бы тезисы. Но его тезисы – именно ответ, понятный только в контексте большого доктринального спора.

Восстановить историю спора нетрудно. В 2002 году увидел свет программный доклад Егора Гайдара, над которым несколько лет работал Институт экономики переходного периода – главный мозговой центр российских реформ 90-х. Как ни удивительно, центральной темой этого доклада тоже была демография.

Стартовый посыл доклада звучал категорично: население России обречено уменьшаться, и никакими государственными усилиями этого не изменить. Естественная убыль населения – это не специфически российская проблема, а общий бич всех постиндустриальных сообществ. По мнению Гайдара, урбани-

зация (переселение людей в тесные городские квартиры), индустриализация экономики (сделавшая востребованным и оплачиваемым промышленный женский труд), эмансипация женщин (уравнивавшая их с мужчинами в правах), триумфальное шествие «безопасного секса», кризис института брака – все это факторы, делающие падение рождаемости неизбежным и необратимым.

Но у России, утверждают далее либералы, еще больше проблем, чем у других промышленно развитых стран. У нас не только низкая рождаемость, но и аномально высокая смертность. А еще – очень большая территория. И экономика, в силу низкой производительности труда критически зависимая от количества рабочих рук. А потому наш демографический кризис гораздо острее, и преодолевать его надо быстрее, чем другим.

И значит – это основной вывод гайдаровского доклада – нет никакой альтернативы массовой миграции. Ведь это только у нас, в постиндустриальном мире, демографический кризис. А к югу, в мире доиндустриальном, напротив, невиданный бум и жуткий избыток людей, которые есть не что иное, как «дешевая рабочая сила». И если нам удастся эту силу привлечь к освоению наших необозримых и плохо обустроенных просторов, мы, говорит Гайдар, сможем победить в экономической гонке XXI века. Только если уж делать на это ставку, значит, забудьте об исторической России! На ее месте должен быть обезличенный «плавильный котел» вроде американского, а основами государственной политики должна стать мультикультурность, полиэтничность и политкорректность.

Но мы знаем из опыта, насколько иногда плохо профессиональные экономисты умеют считать. Иначе говоря, во сколько на самом деле обходится нам эта фантастическая дешевизна рабочих рук, привлекаемых либеральной миграционной политикой.

На чем экономия? В нашей культуре человек с самого раннего детства (а некоторые важнейшие навыки приобретаются только в этом возрасте) учится тысячам разнообразных вещей – от умения переходить улицы и говорить «здравствуйте» и «спасибо» до корпуса классической литературы и основ ис-

тории, которые все вместе составляют способность жить в пространстве развитой, сложно организованной культуры. Если выразить стоимость этой базовой, естественной и абсолютно необходимой у нас социализации в деньгах, получится весьма внушительная сумма. В тех же краях, где произрастает «избыток дешевой рабочей силы», себестоимость этой самой социализации дешевле в разы, если не на порядки – поскольку сама она зачастую сводится к простейшим навыкам выживания любой ценой.

Если считать одни только «рабочие руки» и забыть, что к ним прилагается еще и весь человек – да не один, а с семьей, детьми, родственниками, обычаями, традициями, укладом, – это различие можно игнорировать. Но расплата за это состоит в том, что мы оказываемся перед лицом необходимости жить в одном пространстве с большим количеством людей, чья поведенческая культура сводится к формуле «выживание любой ценой».

Сегодня мы имеем редкую возможность поучиться на чужих ошибках, смотря, как страны Западной Европы, утратившие способность находить общий язык с потомками мигрантов, расплачиваются за последствия политики, аналогичной той, которую предлагают сегодня российские либералы. Когда установка на решение исключительно экономических аспектов проблем, при полном игнорировании аспектов социально-культурных, приводит к колоссальным проблемам, в том числе и, говоря языком экономики, к колоссальным издержкам.

Именно поэтому ответ Президента Путина – и партии «Единая Россия» – звучит так: нет, мы не будем строить у себя «плавильный котел», перемалывающий «мигрантов» вкупе с «аборигенами» в универсальную, лишённую памяти о своих культурных корнях рабсилу. Мы – в соответствии с русской политической традицией – собираемся сохранять и приумножать в первую очередь то население, которое исторически живет на нашей земле, в какие бы «издержки» нам это ни влетало. Мы будем платить за второго и третьего ребенка, тем самым поддерживая не столько точечную многодетность, сколько массовую рождаемость в русских городах и селах. А если этим роди-

телям и детям оказывается тесно в тех домах, где они сегодня живут, мы дадим им возможность сменить жилье. А чтобы они могли без страха его менять, мы сделаем так, чтобы в любом населенном пункте было кому их лечить и учить – в соответствии с неотменяемым базовым стандартом качества жизни. Не случайно соответствующие проекты называются не **государственными**, а **национальными**.

Это последнее – главное, что отличает новую Россию от своего непосредственного предшественника – Советского Союза, где любой проект и любая программа могла быть только государственной. Но мы – не те, кто по определению отрицает советский опыт (тем самым полностью воспроизводя советские же схемы, только с обратным знаком). Напротив, мы считаем, что преодоление советского возможно только через его детальный анализ, беспристрастное, ответственное изучение и использование результатов этого опыта.

Советские

ДЛЯ ВНЕШНЕГО МИРА понятия «советский» и «русский» – это одно и то же. Новая историческая общность – советский народ – на международном языке называлась *russians*; именно это слово десятки лет служило главной страшилкой благонамеренных евроатлантических обывателей, и теперь этого уже точно не изменить. Тем важнее понимать, что советский период – не случайность, не ошибочное отступление от исторического русского пути, но его органичный и, следовательно, в каком-то смысле неизбежный этап. Оставшийся, впрочем, навсегда в прошлом.

Принято считать, что в современной России советское презентуется исключительно в форме псевдосоветской ностальгии, монополий на которую обладает КПРФ. Однако у нашей сегодняшней компартии нет абсолютно никаких моральных прав претендовать на наследие советской системы – поскольку она является одной из сил, принявших самое деятельное участие в ее ликвидации.

КПРФ генетически восходит не к компартии Союза, ведущей свою генеалогию от подпольной большевистской секты, а к так называемой русской партии внутри ВКП(б) – КПСС.

Внутрипартийному оппозиционному течению, долгое время латентно существовавшему в советской системе и окончательно оформившемуся на пике перестройки в виде полозковского проекта компартии РСФСР. Не случайно основные идеологи и вдохновители зюгановской партии – не советские идеологи из институтов философии и научного атеизма, а различные «почвенники» и «деревенщики» из Союза писателей, бывшие в советское время чем-то вроде легальной фронды. КПСС в целом мирилась с этим течением, но далеко не всегда – достаточно заметить, что одним из пунктов обвинения осужденных по «ленинградскому делу» были именно планы создать компартию РСФСР.

Последний генсек КПСС М.С. Горбачев сегодня демонизируется зюгановским агитпропом. Однако нельзя не заметить, что из всех советских лидеров идейно именно он находился под наибольшим влиянием этой «внутрипартийной оппозиции». Борьба с номенклатурными привилегиями, с которой началась перестройка, – это внешнее проявление борьбы Горбачева с членами ЦК – лидерами среднеазиатских и кавказских республик. И трудно не заметить, как много личного было в этой борьбе – достаточно вспомнить презрительное горбачевское «азебаржан». Или несколько позже, на съезде, когда Горбачев пытался использовать «почвенников» и «деревенщиков» как политический противовес «демократам». Ведь именно тогда прозвучала фраза Валентина Распутина, сделавшая политически неизбежным распад СССР: «А может, Россия выйдет?» Она и «вышла» – вслед за полозковско-зюгановской партией, «вышедшей» из КПСС. Что стало катастрофой мирового масштаба, стоимость которой – в том числе и для русского народа – исчисляется множеством человеческих жизней, не говоря уже о других, менее существенных потерях.

Антинациональная в своей основе коммунистическая идеология и «почвенный» национализм – вещи сами по себе несоместимые, и в попытке их сочетать КПРФ превращается в политический оксюморон. Но тем не менее все же существует то, что их объединяет: ни то ни другое не имеет никакого отношения к основам русской политической традиции. В отличие от

советского опыта государственного и партийного строительства, который, впрочем, нынешняя «народно-патриотическая оппозиция» старательно игнорирует.

Народ- государство

ОПЫТ РУССКОЙ политической культуры – это в первую и главную очередь опыт государственного строительства. Вне представления о государстве русская политическая традиция невозможна. Известный социологический факт, что русские люди, оказываясь в эмиграции, почти никогда не создают диаспор, указывает на невозможность внесударственных форм русской самоорганизации. Не будет преувеличением сказать, что в определенном смысле **русские – это государство.**

В этой формуле власть понимается как начало, образующее нацию. Подобно тому как у других народов ее образуют религия, язык, гражданское общество или партия. Центральное место государства в политической организации людей парадоксальным образом отражается даже в таком значимом русском политическом учении, как анархизм, который осмысляет и презентует роль государства через его отрицание.

Ликвидация русского государства буквально означает ликвидацию русской национальной идентичности. В силу этого суверенитет осмысляется как предельная ценность русской политической культуры, во имя которой в определенных случаях

можно идти против всего мира. И побеждать в таких противостояниях.

Казалось бы, каковы были шансы России против единой Европы под водительством Наполеона, который олицетворял собой не только передовое военное искусство, но и общечеловеческие ценности Великой французской революции – свободу, равенство и братство? А против – только отсталая империя с обветшалым феодальным суверенитетом. Тем важнее было для русской власти продемонстрировать миру, что состоялась не только военная, но и моральная победа.

Выживание большевизма в России определяется бухаринским тезисом о «строительстве социализма в одной отдельно взятой стране». Это советская формула суверенитета. Вооруженный этим тезисом, Сталин стал безальтернативен в качестве вождя советской России – его противники не имели шансов, поскольку тезис о мировой революции игнорировал государства и суверенитеты, а следовательно, в контексте русской политической традиции был обречен.

Евроинтеграция в гитлеровском варианте несла народам России освобождение от коммунизма – казалось бы, после страшного постреволюционного двадцатилетия разве не должна была произойти национальная консолидация ради этой цели? Однако произошло совсем другое – мобилизация русского политического инстинкта. Оказалось, что абсолютный суверенитет в собственном государстве для русских людей важнее, чем любые претензии к правящему строю. Собственно, именно Победа и оформила политическую легитимность советского периода в контексте русской истории. А «националисты», русские, украинские, прибалтийские и т. д., поверившие в модель национального строительства по гитлеровскому образцу, оказались заклеены народом-победителем как предатели – и это тоже объяснимо, исходя из экзистенциального требования существования русского государства.

Демократия в России? Да, но тоже только суверенная, коль скоро даже такая антигосударственная в своей основе идеология, как коммунизм, состоялась в России только через формулу советского суверенитета. Демократия же – слово, состав-

ленное из двух столь важных для русской политической традиции корней, как «народ» и «власть», – не может у нас пониматься иначе, как политическая форма реализации суверенитета народа-государства.

Тотальное неприятие обществом экономических реформ 90-х: только ли из-за порожденных ими экономических и социальных неурядиц? История России свидетельствует, что при условии наличия ясно выраженной политической задачи мы умеем терпеть и более серьезные лишения. Политическая нелегитимность этих реформ имеет другую причину – они были восприняты как десуверенизация России, лишение ее самостоятельной государственной роли. Это требование игнорировалось идеологами реформ, что и стало причиной их политического краха.

Приход Путина – это возвращение идеи суверенитета в число принципов российской государственной политики. В результате этого сложные экономические реформы стали политически возможны. Коль скоро базовые гарантии существуют, тема реформ обретает способность разворачиваться в позитивном ключе: «как нам обустроить» новую рыночную экономику в соответствии с нашими ценностями.

Но русская идея суверенитета не замкнута сама на себя – она обращена вовне. Суверенитет мыслится как гарантия возможности участия в мировой истории, отсутствие или недостаточная степень которого также почти всегда приводит к кризису государственности в России.

Неизбежность МИССИИ

ИМЕННО ТАК: мировая роль – это внутривластная потребность, являющаяся необходимым условием стабильности русского государства. Анекдотические «догоним и перегоним» и «борьба за мир во всем мире» – конвульсивные попытки коммунистического режима бороться с утратой мировой роли, нужной не как таковой, а для банального самосохранения. Страх провинциализации России, ее превращения во второстепенное образование – главная претензия интеллектуальной и духовной элиты к любой российской власти. Неспособность политического режима справиться с этой задачей становится приговором – даже если с остальными показателями все более-менее в порядке. Хуже жить, но не быть провинцией – тоже часть политического инстинкта. Одна из причин краха либералов: против лозунга «жить, как в Европе» никто не возражал, но как при этом не стать Португалией или Люксембургом – они нации не объяснили.

Эти русские амбиции, часто неоправданные – то, за что нас ненавидят и любят одновременно. В судорожных, порой истеричных завываниях мировой прессы о наступлении русского

авторитаризма часто слышится запрос на еще бóльшую жесткость, которая ожидается ими как само собой разумеющаяся. Напротив, ее отсутствие порождает недоумение: где же русские? Этот же вопрос, только уже изнутри, задается власти самой нацией: где же мы? Промедление с ответом часто смерти подобно.

Было бы лукавством говорить, что у сегодняшней российской власти нет этой проблемы. Но ее формула сложнее, чем простое присутствие в мировой политике. Присутствия вроде бы немало – Совбез ООН, Совет Европы, «большая восьмерка», трубопроводы, энергетическая империя... Но присутствие само по себе еще не означает миссии. И это уже сегодня стало политической проблемой как вне, так и внутри России. Что движет политикой Кремля, кроме экономических интересов крупнейших российских корпораций? Казалось бы, этот вопрос должен звучать только извне, но сегодня он все больше становится предметом и внутрirosсийской политической повестки. А значит, поиск ответа на него – одна из важнейших текущих задач партии «Единая Россия».

Личное лидерство

ОЛИЦЕТВОРЕННОСТЬ ПОЛИТИКИ – неотъемлемая часть русской политической традиции. Принцип целостности власти понимается через идею единовластия, понимаемого персонально. Сильное государство расшифровывается через персонификацию, то есть через фигуру лидера. Россия – место постоянного, небываемого спроса на сильных лидеров.

Но персонализация касается не только первого лица государства. Она касается любого первого лица в любом из русских социальных организмов, начиная с коллектива в несколько человек.

Это тоже большая проблема, но одновременно и преимущество русской политической традиции. Вопрос «кто?» у нас всегда предшествует вопросу «что?». «Кто лидер?» – главный русский вопрос о любой организации. Партии часто конкурируют не программами (которые пишутся больше для проформы), а лицами и биографиями.

Но политика не может держаться на одних личностях, и в особенности партийная политика. Партия – это система, аппа-

рат, кадры, взаимозаменяемость. В этом противоречии – механизм кризиса российской партийной системы в 90-х. Ярких, всероссийски известных политиков было в Москве несколько десятков, но все они возглавляли диванные партии, реальная численность которых не превышала сотни-другой человек.

«Единая Россия» состоялась как партия поддержки Президента Путина, она объявила его своим лидером. Но Путин – лидер всей страны; являясь «партийным брендом» ЕР, он при этом не имеет с партией прямой административной связи. Тот же механизм часто воспроизводится на региональных выборах, когда партийные списки ЕР возглавляют губернаторы или мэры, которые заведомо не пойдут в депутаты. В этом смысле перед партией стоит долгосрочная задача стать школой политического лидерства – таким образом, чтобы порождать новых лидеров из собственной партийной среды и на региональном, и на общефедеральном уровне.

Общее согласие

СИЛЬНУЮ РОЛЬ ЛИДЕРА в России политические комментаторы часто путают с авторитаризмом. Это заблуждение, основанное на недостаточном знании русской политической традиции, которая выработала несколько мощных политических механизмов, уравнивающих сильного лидера и не дающих системе скатиться в авторитаризм.

Главный противовес лидеру в России – это институт советов. Политический строй, господствовавший с 1917 по 1991 год, вовсе не случайно называется гораздо чаще советским, нежели коммунистическим. Но советы – это не изобретение большевизма или XX века. Ограничение на основополагающие решения, которые нельзя принимать, «не посоветовавшись с землей», выработано еще в доимперской России. Те или иные институциональные формы «советования» – начиная от Боярской думы и заканчивая Государственным советом имперской России – существовали в русской системе всегда, безотносительно к истории партий и парламентаризма.

Основная идея советов – нельзя принимать решения, ущемляющие права какой-либо значимой группы, даже если эти решения поддерживает большинство. Необходимо общее согла-

сие, а не простая победа одной «партии» над другой по факту численного перевеса. Это породило нашу склонность к консенсусной демократии. То есть такой, где решение считается легитимным лишь в том случае, если за него проголосовали все (то есть нет сколько-нибудь заметных групп недовольных или несогласных).

Единогласные голосования, за которые так часто критикуют в том числе и партию «Единая Россия», – это вовсе не свидетельство отсутствия политической борьбы. Это именно проявление консенсусной традиции – когда основная борьба идет не в процессе голосования, а на этапе выработки самой формулы решения. Если формула решения оказывается неприемлемой для какой-либо большой группы, решение попросту не принимается, откладывается до лучших времен. Но поскольку издержки от непринятия решений в итоге, как правило, больше, чем от принятия даже таких, с которыми кто-то и несогласен, консенсусный механизм все же срабатывает – имея фактически скрытое право вето почти на любое решение, люди предпочитают без крайней нужды им не пользоваться. То есть стремятся в каждом случае максимально добиваться общего согласия.

Консенсусная демократия – это на самом деле очень узкий коридор возможностей для политического лидера. Будучи, казалось бы, внешне всесильным, на самом деле он всегда имеет крайне ограниченный набор возможностей. Яркий тому пример был дан президентством В.В. Путина: формально имея полную политическую возможность изменять Конституцию России (большинство в парламенте, уверенная поддержка населения и т. д.), он тем не менее ни разу не сделал движений в этом направлении. Поскольку для того, чтобы такие изменения были признаны большинством в качестве легитимных, нужно, чтобы во всем российском обществе сложился устойчивый консенсус по поводу их необходимости. Иначе, какая бы ни была поддержка своего большинства, неизбежен политический кризис.

Успешный политик в России – не тот, кто всякий раз продвигает ключевые решения простым большинством, а тот, кому удастся добиться общего согласия. Упомянувшееся здесь Послание Президента Путина Федеральному Собранию от

2006 года – яркий тому пример. Сегодня все оппозиционные думские партии спорят друг с другом о том, чью из них программу озвучил Президент – и КПРФ, и «Родина», и ЛДПР настаивают каждая на своем изначальном авторстве.

При этом количество участников дискуссии о том, что именно является формулой такого согласия, русская политическая традиция почти никогда не ограничивает. Политика воспринимается как дело поистине всеобщее, в котором не может быть лишних. Русскому обществу свойственна аномальная, с западной точки зрения, политизированность населения – и это его свойство остается неизменным при всех политических режимах. В других странах сила публичных авторитетов вкуче с развитыми традициями делегирования и доверия сводит политизацию на нет – люди голосуют за тех политиков и те партии, которым они доверяют, делегируя им право «думать за себя» о политике. У нас же слабость публичных авторитетов и довольно низкий уровень доверия поневоле заставляют быть политиком каждого гражданина.

По-прежнему высокой является информированность людей, степень их включенности в политическую повестку дня. По-прежнему большое место среди прочих проблем отводится проблемам политическим. Даже когда люди за кого-то голосуют на выборах, это обычно означает не столько политическую поддержку, сколько своеобразную формулу компромисса, который к тому же в каждый момент людьми оспаривается, обставляется дополнительными условиями. Поэтому никакая победившая партия никогда не может почивать на лаврах – получив результат на выборах, она далее вынуждена практически ежедневно поддерживать коммуникацию со своими группами поддержки. Иначе она ее теряет сколь быстро, столь и необратимо. Как это произошло с российскими «демократами» в 90-х, буквально на глазах из твердого большинства скатившимися в политическую маргиналию. Как это сегодня происходит с КПРФ. «Единая Россия» не имеет морального права позволить себе повторить их провал – а значит, обречена идти в эту «низовую», квартирную, кухонную и клубную политику, политику бесчисленного множества длинных русских разговоров.

Идейность

РУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ дискуссия была и остается дискуссией идейной. Ее в принципе невозможно свести к спорам о налогах или коммунальном хозяйстве. К любой политической силе русское общество неизбежно предъявляет требование обозначить свою идеологию, объяснить ее в словах.

Одна из причин политических поражений «партий власти» в 90-х – от гайдаровского ДВР до НДР Черномырдина – это упор на хоть и удобный, но политически недолговечный лозунг «верьте только делам». То есть отказ объяснять свои действия на языке идей, в категориях открытой публичной политики. Поначалу это работает – «вот наконец пришли люди дела, а не те, которые языком треплют». Но потом, очень скоро, избиратели начинают задавать вопрос: «А в чем, собственно, состоит ваше дело?» И когда в ответ раздается невнятное мешковатое покашливание – одних «людей дела» избиратели очень быстро меняют на каких-нибудь других.

Справедливость

ЦЕННОСТЬ СПРАВЕДЛИВОСТИ – одна из фундаментальных для русской политической традиции. По критерию справедливости судят любое политическое решение. Если даже оно со всех сторон «эффективно», но не проходит по критерию справедливости – такое решение не принимается или не считается легитимным.

Часто путают справедливость и равенство. На самом деле это понятия далеко не тождественные, а иногда и прямо противоположные. Нередко оказывается, что справедливо именно неравенство – неравенство по заслугам. Парадокс: российские профсоюзы часто борются с правительством и работодателями именно за сохранение различий в ставках оплаты труда – для того чтобы сохранить иерархию, основанную на заслугах и компетенции.

В свою очередь богатство отрицается не как богатство в собственном смысле, а тогда, когда оно воспринимается как нажитое несправедливо. Любой достаток верифицируется по критерию заслуженности. Общество выдвигает моральное требование к богатым – соответствовать своему высокому социальному ста-

тусу. Более богатые – значит, должны быть более достойными. Даже жестче: иногда что позволено бедному – не позволено богатому. Когда наоборот – неизбежно возникает протест, который принято считать социальным, но на самом деле в нем гораздо сильнее нравственный, а не перераспределительный аспект. Не «отдайте мне», а «чтобы у него не было» – не столько из зависти или вредности, сколько потому, что «не заслужил».

Земля

ЕЩЕ ОДНА ОСОБЕННОСТЬ русской традиции – предельная географичность политического мышления. Русские – чуть ли не единственный народ, у которого карта в голове. Исторически главный вопрос русской политики – это вопрос земельный. Это видно и в сегодняшней политике. Казалось бы, какое дело людям из Центральной России до нескольких небольших островов на Дальнем Востоке? Но оказывается, что сама возможность их потери мыслится как невыносимое унижение русского политического сознания – и это одинаково работает, будь то в Барнауле, в Уфе или в Рязани. Политическое признание Путина в качестве будущего лидера России состоялось в момент, когда он обозначил территориальную целостность главной ценностью своей политики – общество дало ему безусловную санкцию на войну, к изумлению социологов, считавших, что никаких силовых акций российские избиратели никогда не поддержат.

Одна из главных проблем нынешнего периода – это драматизм территориальной ситуации, в которой оказалась сегодня Россия. Нынешние границы воспринимаются как несправед-

ливые, неестественные, как ничем не оправданный результат Беловежских соглашений. Пространство бывшего СССР мыслится как единое, искусственно разделенное по политическим причинам. Ощущение этой ущербности формулируется обществом как претензия к действующей власти, и размер этой претензии увеличивается по мере того, как некоторые постсоветские государства отдаляются от России – особенно в результате так называемых цветных революций. Поэтому насущной политической задачей текущего момента становится сохранить единое пространство русского языка и русской культуры, в том числе и за пределами территории РФ; и это – тоже предмет партийной повестки дня.

Партия

САМА ПАРТИЙНАЯ ИДЕЯ в России имеет собственную, достаточно развитую и отличную от других стран традицию. Партия мыслится не столько как частная группа, представляющая тот или иной слой общества или ту или иную идеологию, сколько в первую очередь кадровая машина, отбирающая и формирующая политическую элиту. Это не противоречит идее многопартийности: таких машин может быть и несколько, и они вполне могут конкурировать между собой. Но главный критерий, по которому их оценивают граждане, – это в первую очередь способность работать как кадровый механизм политики, являться системой отбора и репрезентации лучших на государственном уровне.

Проблемы с многопартийностью имеют несколько иную природу. Тяготение к однопартийной модели – это проявление неспособности создавать межпартийные коалиции, бороться за какое-либо другое место, кроме «первого и единственного». Любая партия в современной России строит и мыслит себя как единственную, ведет себя так, как будто других, кроме нее, не существует: это верно и для либералов, и для коммунистов, и

для «национал-патриотов» любого рода. Эта неспособность к партнерству, нежелание быть продуктивными участниками более сложной политической композиции – то, что обрекает партии на фрустрацию смысла: стоит только не набрать большинства, и уже в качестве «второго» или «третьего» ты никому не нужен.

Способность договариваться (хотя бы и по частным вопросам), создавать площадки для диалога, организовывать вокруг себя других и включать их в свой политический контекст – это обязательное условие долгосрочного выживания партий в нынешней политической системе. Кроме того, сегодня это прямая обязанность «Единой России», если она позиционирует себя как флагман российской партийно-политической системы.

Но идея партийности не имела бы шансов состояться, если бы не несла в себе дополнительной полезной нагрузки для всего населения, безотносительно к задачам государства по воспроизводству элит. Для людей партия – способ прямой коммуникации с властью, минуя многоэтажную бюрократическую вертикаль. Если эта система не работает – партийный механизм стопорится.

Повышенный уровень ненависти к бюрократии – бич любого сильного государства. Эта ненависть обретает подчас самые жесткие формы – в России они становятся особенно жесткими в тех случаях, если ее использует в своих целях верховная власть. Опричнина как явление состоялась в свое время именно потому, что многие в ней увидели узду на «бояр»; и не случайно Сталин в своих поисках публично обращался к этому историческому опыту. Советская система позже изобрела свой собственный способ гораздо менее людоедского, но весьма действенного наказания начальников: «Партбилет на стол!» И это работало – до тех пор пока партийная номенклатура не выработала механизмов групповой самозащиты от населения.

От партийной системы сегодня снова ждут, чтобы она стала уздой на бюрократию. Если ей это не удастся – ее нет, она повторяет судьбу КПСС 1980-х. А это печальный опыт: как только бюрократия превратила партийность в кастовый механизм,

обезопасив себя от любых форм народного контроля, партия потеряла страну быстро и бесповоротно.

Эта угроза существует и у сегодняшней ЕР, если она вовремя не преодолеет этап замены административных механизмов на политические. В частности, если не сделает партийный статус атрибутом, обладание которым для руководителя любого уровня влечет за собой высокую меру конкретно понимаемой ответственности. Политической задачей здесь является выработка систем партийного контроля, которыми могли бы пользоваться не только функционеры, но и рядовой актив, сторонники и сочувствующие.

Заключение

ВОЗНИКНОВЕНИЕ «ЕДИНОЙ РОССИИ» – ответ русского политического класса на вызов 90-х, на неспособность тогдашней катастрофной элиты отстаивать и воспроизводить суверенитет России. В этом аспекте ЕР воспринимается как партия национального возрождения, возвращения государства РФ в поле русской политической традиции.

Сегодня только «Единая Россия» является такой партией, которая в состоянии соответствовать требованиям, определяемым этой задачей. Другие партии либо вовсе не имеют ничего общего с русской политической традицией, либо искажают ее до неузнаваемости, превращая в собственную противоположность.

Но это не означает автоматически беспроблемного и долгосрочного политического будущего партии. Право на репрезентацию русской политической традиции необходимо постоянно удерживать в ежедневной практической деятельности, отстаивать в борьбе с политическими оппонентами. Политическая традиция – это ценность, обладание которой – заветный приз для многих, и право на нее нужно всякий раз доказывать заново.

Сегодня той узловой точкой, в которой необходимо предьявлять это доказательство, является парламентско-президентская кампания 2007–2008 годов. Выигрыш этой кампании для «Единой России» – это еще и разрыв порочного круга, когда к каждому следующему четырехлетию создается одна или несколько новых партийных структур под новыми названиями, которые потом борются под ковром за наделение их статусом так называемой партии власти, поскольку считается, будто обладание этим статусом является достаточным условием для победы на выборах. Это, среди прочего, обесмысливает и карикатуризирует саму идею многопартийной демократии в России, превращая ее в календарное шоу, а партии заменяет «электоральными проектами», делаемыми специально под выборы.

Иными словами, следующие выборы – это еще и тест на наличие в России реальной партийной системы, рассчитанной на долгосрочную перспективу. И только от нас зависит, сможем ли мы его пройти.

Содержание

Вступление	3
Русское и российское	5
Русские	7
Антирусский национализм	10
Сбережение народа	12
Советские	16
Народ-государство	19
Неизбежность миссии	22
Личное лидерство	24
Общее согласие	26
Идейность	29
Справедливость	30
Земля	32
Партия	34
Заключение	37

Андрей Исаев

«ЕДИНАЯ РОССИЯ» –
ПАРТИЯ РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Препринт и производство:
издательство «Европа»
119180 г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1
тел. 745-52-25, факс 725-78-67

Подписано в печать 24.11.2006. Формат 60×84 1/16.
Гарнитура Petersburg. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,33.
Тираж 1000 экз.

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии «Баккара-принт»